

ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ТВЕРСКОЙ В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОКОВ И ПОТОМКОВ*

Старшему сыну Михаила Ярославича Тверского Дмитрию Михайловичу (Грозные Очи) (†1325) не посвящено отдельных произведений — житий или повестей, но летописные своды и другие памятники древнерусской словесности сохранили различные интерпретации и оценки поступков князя, дававшиеся его современниками и потомками, а также событий, в которых Дмитрий Михайлович принимал участие.

О рождении Дмитрия — с полной датой, включающей даже указание на время суток, под 6807 (1298) г.¹ говорится в Лаврентьевской и Симеоновской летописях: «Того же лѣта, подъ осень мѣсяца сентября въ 15 день въ понедѣльникъ, по вечерни, князю Михаилу Тверскому родися сынъ, и нарекоша имя ему Дмитрей»². Через четыре года сообщается о постригах Дмитрия (8 ноября 1302 г.). Можно сразу отметить, что именно такой материал — личного характера, касающийся только самого Дмитрия (рождение, постриги, женитьба), сохраняют летописи, отразившие раннее великокняжеское летописание.

Важные сведения о значительном событии, в котором существенную роль пришлось играть еще не повзрослевшим сыновьям Михаила Ярославича — Дмитрию и Александру — сохранились в Житии митрополита Петра. Из него известно, что в отсутствии отца («князю великому Михаилу во Ордѣ бывшу»³) братья приняли участие в Переяславском Соборе⁴, где обсуждался вопрос о симонии митрополита Петра. Автор ранней редакции Жития называет Дмитрия (которому, видимо, было тогда 12 лет) князем, а 9-летнего Александра его братом. Никаких оценок или намеков на позицию братьев на Соборе здесь нет, как, впрочем, нет их в Пространной Киприановской редакции Жития Петра. Едва ли пристального внимания заслуживает фраза, свойственная лишь Киприановской редакции, о том, что после окончания Собора и примирения со своим основным обвинителем владыкой Андреем митрополит Петр «князя же и весь причетъ же, и народ тако же довольнѣ поучивъ, с миром отпусти». Скорее всего агиограф воспользовался топом мотивом поучения митрополитом паствы во главе с князем, не имея в виду князя конкретного (т. е. Дмитрия). В данном случае использование этого топоса еще более закрепляет впечатление нравственной победы митрополита Петра и полного ее признания со стороны предполагаемых противников.

В начале марта 1311 г., по свидетельству летописей⁵, юный Дмитрий, узнав, что Нижним Новгородом овладел брат Юрия Даниловича Московского Борис, выступил на защиту интересов отца как великого князя: «собра вои многи, и хотѣ ити ратью къ Новгороду на князя на Юрья». Однако вмешался митрополит Петр: «не благослови его Петръ митрополитъ» (С. 87)⁶. После трехнедельного «стояния» во Владимире Дмитрий распускает войско и возвращается в Тверь. Первая попытка интерпретации этой неясной ситуации представлена уже в Никоновской летописи.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 03-04-00183а)

¹ См.: Березков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 119–122.

² ПСРЛ. СПб., 1913. Т. XVIII. С. 84. (далее указания на страницы в тексте).

³ Житие митрополита Петра // Клосс Б. М. Избранные труды. М., 2001. Т. II. С. 29 (ср. также: Пространная редакция жития митрополита Петра // Там же. С. 42).

⁴ Собор, по-видимому, состоялся в конце 1310 или в начале (до марта) 1311 г., т. к. до этого (летописи называют апрель) митрополит находился в осажденном татарами Брянске.

⁵ Пространная редакция жития митрополита Петра. С. 42.

⁶ Тот вид записи, который приведен в Примечаниях М. Н. Карамзина, соответствует тексту Софийской I и, видимо, из нее и был взят (добавлено к «не благослови его митрополитъ» «столомъ въ Володимери», Дмитрий возвращается не «въ своаши», как в большинстве летописей, а «въ землю свою») (ср.: Приселков М. Д. Троицкая летопись (Реконструкция текста). СПб., 2002. С. 354; ПСРЛ. М., 2000. Т. VI. Вып. 1. Стб. 371).

Летописец XVI в. счел, что три недели Дмитрий стоял, «бѣа челомъ Петру митрополиту, да его разрѣшитъ»⁷.

О столкновении Дмитрия с новгородцами в 1313 г. по-разному сообщает, с одной стороны, Симеоновская летопись, с другой — Новгородская I (именно этот новгородский рассказ использован в более поздних летописях новгородско-софийского круга). Новгородский летописец рассказывает, что от Юрия Московского приехал Федор Ржевский и «изъима намѣстники Михайловы, и держаша ихъ въ владычни дворѣ». Затем новгородцы с Федором идут «на Волгу»⁸. Против кого был направлен этот поход на Волгу, — уточняется в Симеоновской летописи: «новгородцы приходили ратью к Тѣрѣи и стояли у броду» (С. 88), а тверские летописи добавляют: «и пожгоша села за Волгою»⁹. О том, что происходило далее, тверские летописи не говорят вообще, Симеоновская ограничивается кратким сообщением: «и умиришася, а по князя по Юрья послаша и пояша его къ собѣ въ Новъгородъ въ Великыи» (С. 88), никак не отмечая роли в этих событиях Дмитрия Михайловича. О ней известно только из новгородского рассказа: «и выиде князь Дмитрии Михайлович со Тѣрѣи и ста об ону сторону Волгы, и тако стояша и до замороза», тут же летописец объясняет, почему действует старший сын великого князя: «а Михаилу князю тогда сущю въ Ордѣ». Если Симеоновская летопись специально не подчеркивает, что выигравшей оказывается новгородская сторона, то в Новгородской I это звучит явно: мир заключается «на всеи воли новгородской», новгородцы посылают за Юрием, а когда тот приезжает, «рады быша новгородци своему хотѣнию»¹⁰.

В дальнейшем Дмитрий часто упоминается в литературных памятниках вместе с братом Александром. Так, древнейшая Пространная редакция Жития Михаила Ярославича рассказывает, что два старших и любимых сына сопровождают отца до Владимира, когда он отправляется в свою последнюю, гибельную поездку в Орду. Они предлагают отцу поехать к Узбеку вместо него: «не ѣзди самъ в Орду, которого хощеша, да того пошлеша»¹¹. Михаил говорит, что в Орде хотят его «головы», а не его сыновей. При этом Михаил Ярославич, видимо, понимая, что едва ли вернется живым, дает им прощальный наказ, уча «кротости, оуму, смиреню же и разуму, мужеству, всякой доблести, веляше послѣдовати благым своим нравомъ» и передает грамоту-завещание: «раздели имъ отчину свою»¹².

Когда братья узнают о гибели отца в Орде, к их горю прибавляется еще одно испытание: им становится известно, что Юрий Московский оставил мощи Михаила Ярославича в Москве, не отпуская в Тверь. В Пространной редакции Жития Михаила Ярославича и в Софийской I (как и в восходящих к ней сводах) говорится, что Дмитрий Михайлович посылает «брата своего кн(я)зя Александра и бояръ своих» во Владимир к Юрию Даниловичу. Результат же переговоров Александра с Юрием представлен в Пространной редакции следующим образом: «И едва сладишася, и възя князь Юрьи множества сребра, а мощи блаженнаго Михаила повелѣ отпуститьи во Тверь»¹³. В Софийской I это звучит иначе: «и едва умоливше кн(я)зя великаго Юрья Даниловича, он же повелѣ отпуститьи тѣло бл(а)женнаго»¹⁴. Из фразы Пространной редакции ясно, что речь идет о взаимных переговорах и о сумме, за которую Юрий соглашался отдать мощи Михаила Ярославича. Неудивительно, что об этом неприглядном факте московская летопись

⁷ ПСРЛ. СПб., 1885. Т. X. С. 178.

⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 94, 335.

⁹ ПСРЛ. Пг., 1922. Т. XV. Вып. 1. Стб. 36 (далее указания на стб. в тексте).

¹⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 94, 335.

¹¹ Кучкин В. А. Пространная редакция повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 139.

¹² Там же. С. 140–141.

¹³ Там же. С. 161.

¹⁴ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. С. 395.

ничего не сказала, упомянув весьма расплывчато о согласии Юрия Даниловича отдать тело погибшего соперника его сыновьям.

Рассказ тверских летописей об этих событиях совсем иной. Согласно Рогожскому летописцу и Тверскому сборнику инициатива переговоров о выдаче тверичам мощей Михаила Ярославича принадлежит Юрию Даниловичу. От Юрия в Тверь приходят «Прохоръ епископъ Ростовскыи и Ярославъ Стародубскыи¹⁵, зовуще князя Александра къ князю Юрїю въ любовь. По цѣлованїю ихъ князь Александр еде въ Владимиръ на Петровъ день и dokonча съ княземъ Юрїемъ любовь» (Стб. 40). Затем Александр привозит тело отца из Москвы в Тверь. Братья, вдова княгиня Анна и епископ Варсонофий хоронят Михаила Ярославича «честнѣ въ церкви Святаго Спаса» (Стб. 48).

Возможно, к ближайшему времени после смерти Михаила Ярославича относится «Поучение Петра митрополита всея Руси князю Дмитрею, и к матери его, и братья его, и къ епископу, и к бояромъ, к старымъ и к молодымъ», сохранившееся в списках старшей редакции Новгородской IV летописи, летописи Дубровского и сборнике XVII в. (РГБ. Вифанск. № 34. Л. 63)¹⁶. В нем митрополит Петр истолковывает несчастья, постигшие Тверскую землю, как Божии наказания, призывает к страху Божию и говорит, что «старѣи добрѣ помнѣть, како было пѣри великом князи и матери его»¹⁷, они должны напоминать об этом молодым, дабы те были в послушании.

Привлечение всех известных сегодня списков дает возможность датировать возникновение этого текста 1322–1325 г. (в трех из четырех списков Дмитрий титулуется великим князем). Возможно, митрополит обращается к тверскому князю в связи с получением Дмитрием Михайловичем ярлыка на великое княжение Владимирское¹⁸.

Под казнью Божиею А. А. Шахматов предлагал понимать «морвое поветрие»¹⁹. Однако в тексте упоминаются «первое» и «второе» наказания. Так, под «первым» могла подразумеваться гибель отца Дмитрия — Михаила Ярославича. Кроме мора наказанием можно считать длительное пребывание останков Михаила Ярославича в Москве, в руках Юрия Даниловича — виновника гибели Михаила и врага Твери. Сомнительно, конечно, что Петр мог видеть в аморальных действиях Юрия Божию казнь. Так обычно расценивали беды от врагов иноплеменных. Здесь же речь идет о великом князе-христианине, с которым у митрополита царит полное согласие. Однако нельзя исключать, что, хотя желание получить мзду с тверских князей за тело их отца и было главной причиной действий Юрия, у него имелось какое-то этически пристойное обоснование своих поступков²⁰, которое формально могло устраивать митрополита.

Впрочем, в этих словах можно и не искать намека на грехи предков Дмитрия, а, напротив, видеть призыв следовать примеру Михаила и Ксении.

В 1321 г. Дмитрий Михайлович заключает брак с литовской княжной Марией Гедиминовной. Здесь же под 6829 г. в тверских летописях говорится, что Дмитрий «съ братїею съ Тѣѣрскимъ

¹⁵ В Музейском фрагменте: «владыка Ростовскыи и Ярославскыи и князь Стародубскыи» (ГИМ. Муз. № 1473. Л. 147 об.).

¹⁶ Е. Е. Голубинскому был известен только Вифанский список (см.: *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 2. I половина. М., 1900. С. 119–120, примеч.), А. А. Шахматов привлек текст из Новороссийского списка Новгородской IV летописи (см.: *Шахматов А. А.* Заметка об одном малоизвестном древнерусском поучении митр. Петра // *А. А. Шахматов. 1864–1920. Сборник статей и материалов.* М., 1947. С. 162–163).

¹⁷ ПСРЛ. Пг., 1929. Т. IV. Ч. 1. Вып. 3. С. 627.

¹⁸ О деятельности Дмитрия Михайловича в этот промежуток времени почти ничего неизвестно. Имеется лишь упоминание в новгородском договоре 1327 г., которое свидетельствует о том, что и Дмитрий в период своего великого княжения заключал с Новгородом соглашение (см.: *Грамоты Великого Новгорода и Пскова.* М.; Л., 1949. С. 27).

¹⁹ *Шахматов А. А.* Заметка об одном малоизвестном древнерусском поучении митр. Петра. С. 163. Если исходить из этой версии, можно вспомнить две «казни», которые упоминают летописи под 6816 г.: мор на людей и коней и гибель урожая (мышь поела жито).

²⁰ В залоге у Юрия Даниловича был не только мертвый Михаил Ярославич, но и живой брат Дмитрия и Александра Константин.

полкомъ и съ Кашинскимъ» (Стб. 41) выступил против шедшего на Кашин Юрия Московского. При посредничестве бывшего тверского владыки Андрея стороны помирились, заключили докончание, и тверские князья отдали Юрию «выходное» (т. е. ордынский «выход»). Дмитрий и Александр (и может быть, Константин?) в этих событиях выступают в полном единении и именуется — здесь и далее — тверскими летописцами объединяющим отчеством «Михайловичи», но при первом упоминании подчеркивается старшинство Дмитрия: «Михайловичи же князь Дмитрии съ братиею». Новгородская I и воспринявшие ее материал общерусские летописи не говорят, что Дмитрий выступил навстречу Юрию с войсками, а лишь сообщают, что тверской князь «присла» владыку Андрея для заключения мира. И если тверской летописец говорит о выплате Юрию «выходного», то новгородский называет сумму (2000 рублей), не объясняя, почему эти деньги брата Михайловичи соглашаются отдать московскому князю.

Под 6830 г. тверские летописи сообщают, что Дмитрий идет в Орду, причем только Музейский фрагмент уточняет, что это происходит в марте: «В Великий постъ на Средокрестной недѣли» (Л. 149)²¹. У брата же его происходит столкновение с Юрием Даниловичем, который «поймавъ сребро оу Михайловичевъ выходное по докончанію, не шель противу царевя посла, нъ ступилъ съ сребромъ въ Новгородъ Великий» (Стб. 41). О том, что Юрий с собранными средствами не пошел к послу, говорится только в тверских летописях (т. е. подчеркивается нарушение Юрием Московским своих обязанностей по отношению к Орде). И наоборот, другие летописные своды (Новгородская I, Софийская I, Новгородская IV и др.) подчеркивают, что Дмитрий при заключении докончания обещал Юрию «княжения великаго... не подымати». Здесь же, под 6830 г., эти летописи напишут о получении Дмитрием владимирского великого княжения именно в такой формулировке: «ходи князь Дмитрии Михайловичъ въ Орду, и подья великое княжение»²², что можно рассматривать как неявное, но осуждение тверской стороны.

Используя тот же текст, иную оценку и интерпретацию событий дает Никоновская летопись. Здесь о Дмитрие Михайловиче говорится явно благожелательно, а его поступок оправдывается воспоминанием о таком же поступке Юрия Даниловича: «Того же лѣта князь Дмитрей Михайловичъ Тверскій внукъ Ярославль, поиде во Орду ко царю Азбяку, и многу честь приѣмъ отъ царя и отъ князей, и пожалова его царь Азбякъ великимъ княженіемъ Володимерскимъ подъ великимъ княземъ Юрьемъ Даниловичемъ; а преже сего той же Азбякъ царь далъ великое княженіе Володимерское Юрью Даниловичю Московскому подъ великимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ»²³.

Относительно поездки Дмитрия в Орду, где он получит ярлык на великое княжение Владимирское, летописи несколько расходятся в датировке. Тверские летописи говорят, что Дмитрий Михайловича сел на великое княжение осенью, все остальные — зимой.

Великим князем Дмитрий был недолго. 21 ноября 1325 г. он, мстя за гибель отца, в казни которого повинен был Юрий Московский, убивает в Орде своего врага и соперника.

Можно вычленить несколько линий летописных сообщений об этом событии. Тверские летописные памятники: Рогожский летописец, Тверской сборник и Музейский фрагмент — умалчивают о том, что именно Дмитрий убил Юрия: «И на зиму князь Юрии оубіенъ бысть въ Ордѣ» (Стб. 42.); «А на зиму князь Юрьи Даниловичъ мертвъ бысть во Ордѣ» (Л. 149 об.).

²¹ Э. Клюг понимает эту фразу так, что Дмитрий едет именно в воскресенье, однако выражение «на... недѣли», а не «в неделю» говорит о том, что, скорее всего, имеется в виду не воскресный день, а один из дней Средокрестной седмицы (см.: Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 145, примеч. 130).

²² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 96, 339. В Софийской I и др. летописях добавлено: «подъ великимъ кн(я)земъ Юрьемъ Даниловичемъ» (ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 396–397).

²³ ПСРЛ. СПб., 1885. Т. X. С. 188.

Подобно тверским летописям не раскрывают причину смерти московского князя летописи ростовские: Московско-Академическая и Летописный свод XV века, изданный А. Н. Насоновым. Здесь читается: «тое же зимы оубиша в Ордѣ князя Юрья Даниловича»²⁴.

Симеоновская летопись, отразившая ранее великокняжеское летописание, сообщает, что Юрия Даниловича убил Дмитрий Михайлович, указывает дату произошедшего, но не дает прямых оценок данному факту: «Тое же зимы въ Филипово говѣнье, месяца ноября въ 21, на память честнаго Введенія святѣи Богородици, князь Дмитрии Михайловичъ Тферскіи въ Ордѣ убилъ князя великаго Юрья Даниловичя, и привезоша тѣло его на Москву и положиша его в церкви святого Михаила» (С. 89). Правда, обращает на себя внимание то, что Дмитрий Михайлович здесь назван князем, а Юрий Данилович — великим князем, но это вполне могло быть результатом более поздней московской переработки текста.

Соответствующее сообщение в Новгородской I начинается с того, что архиепископ Моисей, поехав в Москву ставиться на владычество, застал там встречу тела Юрия и его похороны. Перечисляются иерархи, присутствовавшие при погребении Юрия Даниловича, говорится о «плаче великом». И только после этого летописец счел необходимым пояснить, что же случилось: «убилъ бо и бяше въ Ордѣ князь Дмитрии Михайловичъ безъ цесарева слова»²⁵. Поступок Дмитрия Михайловича здесь весьма определенно осуждается. Причем назидательная тирада Синодального списка: «не добро же бысть и самому: еже бо съеть челоуѣкъ, то же и пожнеть»²⁶, — в списках Новгородской I младшего извода развита и подкреплена ссылками на Писание: «Добро убо послушати бяше рекшаго: да любите другъ друга, якоже азъ възлюбихъ вы. Иоан же Богословъ глаголетъ: братие, богъ любы есть, пребывааи в любви съ братомъ, въ бозѣ пребываетъ, богъ в немъ, и паки индѣ в писании глаголетъ: иже бо имѣеть ко всѣмъ любовь, таковыи бес труда спасается»²⁷.

Софийская I летопись, использовав текст Новгородской I младшего извода, выстроила статью в хронологическом порядке: сначала говорится о смерти Юрия, а потом о его похоронах. Далее прибавлена фраза о том, что Юрий княжил три года. С разного рода сокращениями и переделками этот текст вошел и в более поздние летописи²⁸. Все они осуждают поступок Дмитрия, лишь в Новгородской IV, (а также второй подборке Карамзинской летописи и летописи Авраамки) сокращение проведено таким образом (сознательно или случайно), что сообщение о смерти Юрия звучит без всякой оценки: «Тои зимы оуби Дмитрии Михайловичъ Тферьской Юрья Московьскаго Даниловича в ордѣ, и привѣзоша его на Москву, и пѣ надъ нимъ Петръ митрофолитъ»²⁹.

Осуждающе высказался по поводу поступка Дмитрия составитель Никоновской летописи, пополнивший имевшийся в его распоряжении текст своими комментариями. Так, он говорит, что Дмитрий убил Юрия, «надѣяся на цареве жалование, понеже царь Азбякъ чтыше князя Дмитрея Михайловичя Тверскаго, и онъ на то надѣяся уби великаго князя Юрья, и не добро бысть самому, и бысть отъ царя въ опалѣ велицѣ, дондеже осмыслить о немъ, что створити»³⁰.

Нельзя не заметить, что ни один летописец не попытался связать убийство Юрия Даниловича с мстостью за гибель Михаила Ярославича. По-видимому, представление о том, что Михаил

²⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 530 (ср.: Насонов А. Н. Летописный свод XV века (по двум спискам) // Материалы по истории СССР. II. М., 1955. С. 300).

²⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 97, 340.

²⁶ Там же. С. 97.

²⁷ Там же. С. 340.

²⁸ Очевидно, что в статье Владимирского летописца рассматриваемый текст соединен с соответствующим известием, читающимся в Симеоновской летописи.

²⁹ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. I. Пг., 1915. С. 260 (в Новгородской Карамзинской «и проводи его митрополит Петръ» (ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42. С. 124)).

³⁰ ПСРЛ. Т. X. С. 189.

Ярославич убит Узбеком, татарами, но не Юрием, было официальной точкой зрения как в XIV, так и в XV–XVI в., хотя в той же Софийской I летописи содержится Повесть об убиении Михаила Ярославича, где говорится, что убийцы были посланы Кавгадыем и Юрием: «Кавгадыи же и велики кн(я)зь Юрьи послаша убиини». Затем они выслушивают отчет от одного из убийц: «Се уже повелѣное вами сътворихомъ»³¹. Тем не менее, даже в устах Александра Михайловича гибель Михаила Ярославича будет связываться с Узбеком и татарами. Это прозвучит во Второй повести о Шевкале³² в речи князя перед битвой, когда он призывает Бога в отместники за кровь «отца моего Михаила и брата моего Димитрия, зане пролия кровь праведную»³³.

Спустя почти год, 15 сентября 1326 г., хан Узбек казнит Дмитрия Михайловича. Дату его гибели приводит Симеоновская летопись: «Тое же осени мѣсяца сентября въ 15, на память святого мученика Никыты, убиша въ Ордѣ два князя Дмитрея Михайловичя Тферского да князя Александра Новосильскаго, единого дни, на единомъ мѣстѣ, на рѣцѣ, нарицаемѣи Кордаклѣ» (С. 90). По-видимому, к этому тексту восходят известия тверских и ростовских летописей. Рогожский летописец и Тверской сборник содержат текст, практически идентичный Симеоновской, — за исключением упоминания дня памяти святого мученика Никиты³⁴, ростовские не указывают числа и не упоминают об Александре Новосильском³⁵. Как можно видеть, тон этого сообщения совершенно нейтральный.

Так же нейтрально, хотя, по всей вероятности, независимо от вышерассмотренного текста, сообщение Новгородской I летописи: «Того же лѣта уби цесарь въ Ордѣ князя Дмитрия Михайловича»³⁶. Общерусские летописи либо использовали два источника (новгородскую летопись и ранний великокняжеский свод)³⁷, либо обработали ростовское известие: «Того же лѣта уби ц(а)рь в Ордѣ за великаго кн(я)зя Юрья Даниловича кн(я)зя Дмитрия Михайловича Тферьскаго на Кондраклѣ»³⁸, — читается в Софийской I. Передавая этот текст с небольшими вариациями, все эти летописи содержат слова «за Юрия Даниловича» или «про Юрия Даниловича» в качестве объяснения действий татар.

В Никоновской летописи имевшиеся в распоряжении ее составителя сведения обросли его домыслами и оценками. Тем не менее, присутствующая здесь мысль, что Дмитрий убит в Орде «про великого князя Юрья Даниловича Московскаго» свидетельствует о происхождении известия из общерусских летописей, ибо в тверских летописных источниках такого утверждения нет. Сообщив о казни Дмитрия Михайловича, летописец дает свою версию отношения Узбека к тверским князьям: «И бысть царь Азбякъ гнѣвнень зѣло на всѣхъ князей Тверскихъ, и называше ихъ крамольники и противныхъ и ратныхъ себѣ; но аще и гнѣвнень бысть на нихъ, но по великомъ князѣ Дмитрии Михайловичѣ даде великое княжение брату его князю Александру Михайловичю»³⁹.

³¹ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 391.

³² О текстологии повествований о тверском антиордынском восстании 1327 г. см.: *Конявская Е. Л.* Повести о Шевкале // *Литература Древней Руси. Источниковедение*. Л., 1988. С. 14–25; *Конявская Е. Л.* «Не в силах защитити, терпеть велел»: Александр Михайлович Тверской в оценке русских летописцев // *Родина*. 2003. № 12. Ч. 2. С. 16–19; *Конявская Е. Л.* Повествования об Александре Михайловиче Тверском в псковских летописях // *Псков в российской и европейской истории: Международная научная конференция*. М., 2003. Т. 2. С. 322–328.

³³ Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. I. С. 16.

³⁴ В Музейском фрагменте текст иной и совсем краткий: «А великий князь Димитрии Михайловичъ во Ордѣ убиень бысть» (Л. 149 об.)

³⁵ Тем не менее, повторение слов о реке Конракле заставляет возводить это сообщение к вышеупомянутому тексту.

³⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 97, 340.

³⁷ Определено об использовании сообщения из летописи, близкой к Симеоновской или Троицкой (см.: *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 358), можно говорить по отношению к тексту Московского свода конца XV в. Здесь называется дата, хотя и с ошибочным числом: 13 сентября, и упоминается Александр Новосильский. В Воскресенской летописи текст сообщения повторяет текст Московского свода, но дата указана верная.

³⁸ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 400.

³⁹ ПСРЛ. Т. X. С. 190.

Дмитрию Михайловичу уделено внимание не только в летописных сводах. Он неоднократно упомянут в летописных записях на пасхальных таблицах Сборника ГИМ. Син. № 325: 6806 г. — «Дмитрии родисѧ», 6831 г. — «Дмитрии сѣль», 6834 г. — «Дмитрии оубить»⁴⁰. Нельзя не заметить, что Дмитрию посвящены три записи, в то время как ни один из других князей, о которых есть записи в этих таблицах, не упоминается более двух раз.

О Дмитрии Михайловиче вспоминали и позже. С прозвищем Грозные Очи⁴¹ он упомянут в Румянцевской редакции Родословца⁴² и в статье «Начало православных государей и великих князей Русских», предшествующей Воскресенской летописи⁴³. Причем, если в первом случае о Дмитрии говорится, что он сам был убит в Орде, во втором упоминается, что он убил Юрия Даниловича — без какой-либо оценки этого факта. В одной из редакций Сказания о князьях владимирских (по определению Р. П. Дмитриевой, «Повести, начинающейся с разделения вселенной Августом») о поступке Дмитрия сообщено нейтрально, без осуждения, и с явным сочувствием сказано о его гибели: «и сам князь Дмитрее Михайлович Тверьскый ту же чашу испи в Орде у царя»⁴⁴.

Как уже отмечалось, говорит об отмщении за гибель брата Александр Михайлович Тверской в летописной повести о Шевкале. Время его княжения упоминается в Рогожском летописце, Симеоновской и Никоновской летописях под 6907 г. — в рассказе об обновлении тверского кафедрального собора.

Сегодня Дмитрий Тверской причислен к лику святых как мученик, однако следов раннего почитания Дмитрия Михайловича не сохранилось. Ему не посвящено пространных повествований. Отчасти это связано с тем, что он не оставил прямых потомков, которые сохраняли бы память о нем. Но главное — его мученической смерти в Орде предшествовало совершенное им убийство Юрия Даниловича. Это деяние, воспринимавшееся, по-видимому, им самим как справедливое возмездие, не нашло оправдания у его современников и потомков-летописцев в последующие века.

⁴⁰ ПСРЛ. М., 2000. Т. III. С. 579.

⁴¹ В Послании Спиридона-Саввы с именем Дмитрия Михайловича связано прозвище Звериные Очи. Сказание использовало, по-видимому, устные предания и поэтому, с одной стороны, сохранило отличные от имеющихся в письменных источниках сведения, с другой — содержит явные фактические искажения (см.: Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 167.)

⁴² Редкие источники по истории России. М., 1977. С. 84.

⁴³ ПСРЛ. Т. VII. СПб., 1856. С. 237.

⁴⁴ Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. С. 202.